

Моя ЛЮБИМАЯ МЫШЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Наталия Власова

18+

Наталия Власова

Моя любимая мышь

«Автор»

2026

Власова Н.

Моя любимая мышь / Н. Власова — «Автор», 2026

Осень 2003 года. Андрей — тридцатishестилетний механик, привыкший жить один и полагаться только на себя. Катя — молодая музейная архивистка с блокнотом, карандашом и привычкой замечать детали. Их случайная встреча на ночной дороге превращается в опасное приключение: они находят расстрелянные машины и получают медальон, за которым начинается охота. Запертые в одной квартире под охраной, они должны понять, кому можно доверять. Но постепенно становится ясно: самая сложная тайна — не медальон, а чувства, которые появляются между двумя людьми, не планировавшими менять свою жизнь. История о случайной встрече, выборе, доверии и любви, которая приходит тогда, когда её совсем не ждёшь.

© Власова Н., 2026

© Автор, 2026

Наталия Власова

Моя любимая мышь

Моя любимая мышь

Глава 1. Дорога

Андрей открыл глаза и несколько секунд лежал неподвижно, глядя в потолок.

За окном уже было утро. Не яркое летнее, которое сразу вытаскивает человека из сна и куда-то гонит. Осеннее. Спокойное.

Свет пробивался сквозь неплотно закрытые шторы и ложился на пол длинными полосами. Солнце то появлялось, то снова уходило за тонкие облака. Начало осени — лето вроде ещё здесь, а воздух уже знает, что всё меняется.

Он повернул голову к часам.

Девять двадцать.

Улыбнулся.

Нормально.

Сегодня можно было не торопиться.

Заказы, висевшие на неделе, были закрыты. Оборудование, которое нужно было запустить, работало. Одному клиенту он восстановил блок управления, у другого разобрался с механизмом, который на предприятии уже собирались списывать.

Третий ещё вчера с сомнением спросил:

— Ты уверен, что оно вообще заработает?

Андрей пожал плечами.

— Если нет, значит, найдём почему.

Он не любил обещать невозможное. Если брался — делал.

Работа была всегда. Пока есть руки, голова и люди, способные угробить исправный механизм, механик без заработка не останется.

А люди, надо признать, старались.

Андрей зарабатывал хорошо. Не потому, что деньги сами к нему липли, — просто много работал и умел то, за что платили.

Содержать две квартиры, машину и собственную жизнь стоило денег. Родительскую квартиру он не сдавал и сдавать не собирался. Поэтому к деньгам относился спокойно: есть возможность заработать — заработает.

Хвататься за всё подряд необходимости не было. Он мог выбирать.

Вот это в деньгах нравилось ему больше всего.

Свобода.

Ночевал он не у себя.

После тяжёлой недели Андрей приехал в родительскую трёшку, выключил телефон и остался. Такое случалось нечасто, но именно сюда он уходил, когда хотелось, чтобы никто не искал и ничего не требовал.

Своя однокомнатная квартира была другой: современной, удобной, устроенной им самим. Там была обычная жизнь — друзья, работа, женщины.

Родительская квартира оставалась другой.

Он ещё немного полежал, потом всё-таки поднялся и босиком прошёл на кухню.

Квартира встретила привычной тишиной.

Не пустотой.

Именно тишиной.

Он давно научился различать эти вещи. Пустота давит, заставляет включать телевизор хотя бы ради чужих голосов. Тишина ничего не требует. Может быть уютной. Может быть тяжёлой.

Смотря с чем в ней остался.

Андрей достал турку, насыпал кофе, налил воды и поставил на плиту.

Через несколько минут кухня наполнилась густым тёплым ароматом кофе.

Он остановился у стола с кружкой в руке.

Запахи почему-то хранили память лучше фотографий.

Кофе.

Свежий хлеб.

Дерево старой мебели.

И радио.

У них дома по утрам всегда звучало радио.

Отец включал его первым. Каждое утро. Даже в выходные. Негромко — просто чтобы где-то на фоне шёл человеческий голос, музыка, новости, какая-нибудь старая передача, которую он слушал годами.

Мать обычно ворчала:

— Ну зачем с утра? Люди ещё спят.

Отец смеялся:

— Дом должен просыпаться.

И дом действительно просыпался.

На кухне звенела посуда. Что-то кипело. Мать открывала шкафчики, ставила чашки, возилась у плиты. Отец сидел за столом, поправлял очки, слушал ведущего и обязательно находил повод прокомментировать всё услышанное. Иногда спорил с радиоприёмником так серьёзно, будто тот мог ему ответить.

Андрея это тогда раздражало.

Как любого подростка.

Родители слишком много говорили, слишком много спрашивали, слишком много присутствовали в его жизни.

Куда пошёл?

Во сколько вернёшься?

Почему куртка опять лежит чёрт знает где?

Хотелось пространства.

Свободы.

Он её получил вполне обычным способом.

Бабушки не стало примерно тогда, когда Андрей вернулся из армии и начал работать. Её однокомнатная квартира досталась ему.

Родители были живы, отношения оставались хорошими, но жить отдельно казалось совершенно естественным. Он собрал вещи, переехал и очень быстро привык к тому, что дома всё лежит так, как удобно ему.

Ну или не лежит.

Тоже его дело.

Через несколько лет свобода приобрела совсем другой смысл.

Родители однажды вышли из дома вдвоём и больше в него не вернулись.

У отца была научная конференция за границей. Профессор, человек, большую часть жизни проводивший между кафедрой, студентами и бесконечными докладами, вдруг настоял, чтобы мать поехала с ним.

— Хватит всё откладывать, — сказал он тогда. — Хоть посмотрим что-нибудь вместе, кроме аэропорта и гостиницы.

Они улетели.

И не вернулись.

Авиакатастрофа оставила после себя слишком много официальных слов и почти ничего, с чем можно было проститься по-человечески.

Саму новость Андрей вспоминать не любил.

Не потому, что не пережил.

Пережил.

Человек вообще способен пережить гораздо больше, чем ему кажется. Потом встаёт утром, чистит зубы, отвечает на телефон, едет работать.

Вот это сначала и удивляет больше всего.

После их смерти квартира не стала музеем.

Андрей менял то, что требовало замены: проводку, сантехнику, технику, матрас. Но хорошие вещи не выбрасывал только потому, что они старые.

В гостиной стоял кожаный диван — мягкий, потемневший, с мелкими царапинами на подлокотниках. Поскрипывал и всё равно был удобнее половины новых.

Тяжёлый стол из тёмного дуба пережил несколько ремонтов и одну глубокую царапину, которую Андрей оставил ещё пацаном.

Высокие резные книжные шкафы занимали почти всю стену. В отцовском кабинете остались книги, атласы, словари, старые издания, лампа и два глобуса.

Японскую вазу когда-то привезла мать.

— Она нам необходима.

— Для чего?

— Красиво.

Отец кивнул:

— Аргумент.

На кухне стоял старый импортный радиоприёмник, который отец привёз из Германии после лекций. Радио до сих пор работало.

Когда-то Андрей помогал его переставлять и ворчал на вес.

— Хорошая вещь не бывает тяжёлой, — сказал отец.

— Это как?

— Вырастешь — поймёшь.

Андрей тогда ничего не понял.

Сейчас подозревал, что старик просто не хотел тащить радио один.

Уголок рта дёрнулся.

Вот ведь профессор.

Мать была ботаником, работала в университетской среде и любила растения. После неё в квартире остались большой фикус Бенджамина, сансевиерия и ещё несколько горшков — не джунгли, просто часть дома.

У Андрея они каким-то образом выжили. Со временем он запомнил, когда полить, где повернуть к свету и что подрезать, если начинало сохнуть.

Квартиру он сохранял не потому, что хотел заморозить прошлое.

Просто здесь были хорошие вещи, хороший дом и тишина, в которой никто его не искал.

Он подошёл к окну.

Во дворе уже шла своя жизнь. Кто-то прогревал машину. Женщина тащила ребёнка за руку, ребёнок упирался. Сосед снизу курил у подъезда и что-то горячо объяснял собеседнику по телефону. Дворник сгребал первые листья в кучку, которую через десять минут снова разнесёт ветром.

Всё было правильно.

И у него всё было правильно.

Ему было тридцать шесть.

Большинство ровесников давно жили по семейным расписаниям: дети, школы, кредиты, жёны, ремонты, отпуска. Кто-то жаловался на тещу, кто-то мечтал хотя бы один вечер провести в тишине.

Андрей над ними ржал.

Они в ответ интересовались, не пора ли ему наконец перестать изображать вечного холостяка.

Нет.

Не пора.

Собственная жизнь его устраивала. Работа, друзья, машина, возможность распоряжаться собой и своим временем.

Отец когда-то сказал:

— Лучше быть одному, чем вместе с кем попало.

С возрастом эта фраза нравилась Андрею всё больше.

Однажды он спросил:

— А вы с мамой долго встречались?

Отец задумался.

— Две недели.

— Ты её хоть узнать успел?

— Я сразу понял, кого встретил. Что мне ещё год проверять?

Из соседней комнаты донеслось:

— Не слушай его! Он три дня собирался пригласить меня в кино!

— Я работал! — отозвался отец.

Потом посмотрел на Андрея:

— Видишь? До сих пор помнит.

Андрей тогда рассмеялся.

Семейная байка.

Так ему казалось.

У родителей любовь никогда не была громким словом. Она была в том, как отец ставил матери чашку именно туда, куда ей удобно, и как мать по одному движению понимала, что он устал.

Они могли спорить, сердиться, хлопать дверьми, но вечером всё равно оказывались за одним столом.

Вот это Андрей понимал.

А бесконечные игры взрослых людей — кто кому должен позвонить первым, кто кого заставит ревновать, кто чего добивается молчанием и намёками — раздражали его почти физически.

Женщин в его жизни хватало.

Случайных — почти не было.

Не из высокой морали. Андрей просто не любил случайностей там, где последствия были вполне настоящими. Женщина, которую впервые увидел два часа назад за соседним столиком, могла быть сколько угодно красивой — желания проверять, что ещё прилагается к этой красоте, обычно не возникало.

Уж лучше не сегодня.

Не последний день живём.

Иногда всё складывалось проще с женщинами замужними.

С теми, кому от него тоже ничего не требовалось, кроме нескольких встреч, хорошего секса и возможности ненадолго выпасть из собственной правильной жизни.

Мужей они бросать не собирались.

Андрей никого уводить тоже.

Удобно?

Удобно.

Благородно?

Он усмехнулся.

Мачо, блядь.

Зато без утреннего:

«А что мы сегодня делаем?»

Вот это загадочное «мы» Андрей не любил особенно.

Кофе — пожалуйста. Завтрак — если в холодильнике что-нибудь есть. Можно ещё раз забраться в постель, если обоим хочется.

Но почему из вчерашнего «нам хорошо» утром вдруг должен возникнуть совместный план на субботу?

С какой стати?

Секс и совместную жизнь он различал прекрасно.

И взрослые вещи предпочитал не пускать на самотёк — ни женщин, ни защиту, ни возможные последствия.

В свою однушку женщин он приводил.

В родительскую трёшку — ни одну.

Не из священного запрета.

Просто не хотел.

Андрей отпил кофе и мельком увидел своё отражение в стекле.

Красавцем он себя не считал.

Он вообще редко думал о собственной внешности. Знал, что женщины смотрят. Знал, что выглядит хорошо. Этого хватало.

Высокий, крепкий, широкоплечий. Не качок и не человек, который живёт в спортзале. Тело сделали работа и привычка постоянно быть в движении.

Сильные руки механика. На пальцах — мелкие следы старых порезов, ладони жёсткие.

Русые волосы чуть длиннее, чем принято у тех, кто стрижётся «под машинку». Слегка вились и постоянно падали на лоб. Андрей машинально отбрасывал их назад, а через несколько минут они возвращались.

Одевался он примерно так же, как выбирал инструменты и машину: хорошая вещь должна быть качественной, удобной и не орать о своей цене.

Добротная куртка. Хорошая обувь. Нормальная кожа.

Мать когда-то ворчала:

— Ну причешишься нормально хоть раз.

— Они всё равно сделают, что хотят.

Отец, не отрываясь от газеты, сказал:

— И правильно. Не всё в жизни должно лежать ровно.

Тогда Андрей рассмеялся.

Сейчас всё чаще вспоминал эту фразу.

Светлые голубые глаза смотрели обычно спокойно, но внимательно.

Замечать детали его, наверное, научила работа.

Механизм редко сообщает о проблеме прямым текстом. Сначала меняется звук. Потом появляется едва заметная вибрация. Запах. Слишком высокая температура.

Мелочь, которую большинство пропустит.

С людьми примерно так же.

Кто-то слишком громко смеётся. Кто-то слишком много объясняет. Кто-то старательно не смотрит в глаза. Кто-то улыбается раньше, чем услышал шутку.

Андрей замечал.
И потому считал, что людей читает неплохо.
Особенно женщин.
По крайней мере, до сегодняшнего вечера он в этом не сомневался.
Кофе закончился.
Он поставил кружку в мойку и включил радио.
Когда-то легко говорил отцу:
— Заведу собаку. Или кота.
Отец отвечал:
— Завести легко. Потом это член семьи. Взял — отвечаешь.
Теперь Андрей посмотрел на тихие комнаты.
Хоть мышь какую-нибудь.
Мышь, может, и выживет.
Потом подумал.
Нет.
И за неё отвечать.
Вот ведь старик.
Опять оказался прав.
Андрей выключил радио и пошёл собираться.

* * *

Первая половина дня прошла в обычной суете. Нужно было заехать к одному клиенту, проверить вчерашнюю работу, забрать заказанную деталь, по пути заглянуть в магазин.

К четырём всё закончилось.

Даже слишком закончилось.

Вчера он закрыл последний нормальный заказ, сегодня разобрался с мелочами, и на ближайшие несколько дней ничего не висело.

Андрей проверил телефон.

Тишина.

Долго без дела он не умел. Первый свободный день ещё радовал. На второй уже начинало тянуть чем-нибудь заняться.

Он заехал в свою однушку, бросил ключи на тумбу, снял куртку и подошёл к окну.

Во дворе стоял Passat.

Отцовский Volkswagen.

Старый, но ухоженный настолько, что возраст замечал скорее тот, кто разбирался в машинах. Для остальных — просто добротный автомобиль, каким-то образом переживший несколько поколений более модных соседей по парковке.

Отец выбрал Passat именно поэтому.

Никакого желания производить впечатление.

Профессор мог позволить себе вещь заметнее, но всегда повторял:

— Нам нужна машина не у дома стоять. Нам на ней жить.

И на ней действительно жили.

Дача. Сумки. Рассада. Банки. Инструменты. Доски, которые каким-то чудом помещались в салон.

Мать каждый раз собирала вещей больше, чем требовалось.

— Мы на неделю или эмигрируем? — спрашивал отец, глядя на очередную сумку.

— А вдруг понадобится.

— Что именно?

— Всё.

И спор заканчивался, потому что с этим аргументом отец бороться не умел.

Passat стал семейной рабочей лошадкой. Надёжной, спокойной, без понтов. Когда родители погибли, машина осталась ему вместе со всем остальным.

Перед той последней поездкой отец сказал:

— Присмотри за ней.

Не «забирай».

Не «теперь твоя».

Просто:

«Присмотри».

Он и присматривал.

Сам обслуживал. Знал каждый звук. Если появлялась новая вибрация, слышал её почти раньше самой машины.

Отец любил повторять:

— Машина должна ездить. Всё, что стоит без дела, начинает умирать.

— Пап, какая разница? Постоит неделю.

— Большая.

— Почему?

— Потому что дорога — это жизнь. Движение. Машина создана ехать.

Тогда Андрей считал, что отец опять умудрился из обычного железа сделать философию.

Теперь думал иначе.

Не только про машину.

Он посмотрел вниз ещё раз.

Вокзал.

Если повезёт — хороший дальняк.

На дальняке можно было хорошо заработать.

— Давно ласточку не выгуливал.

Он взял ключи.

* * *

К вокзалу Андрей приехал ближе к вечеру.

Именно в это время ему здесь нравилось больше всего.

Утром вокзал был резким и нервным. Все куда-то бежали, тащили сумки, смотрели на часы.

Вечером он становился отдельным маленьким миром.

Гудели прибывающие поезда. Из динамиков время от времени разносился спокойный женский голос. Двери открывались, и из вагонов выплёскивались люди — сонные, радостные, раздражённые, нагруженные сумками.

Кто-то встречал с цветами.

Кто-то целовался прямо у выхода.

Кто-то ругался по телефону, одновременно пытаясь поймать машину.

В воздухе смешивалось всё: бензин, выхлоп, горячий металл, кофе из маленького киоска, запах шаурмы от палатки неподалёку. Где-то тянуло табаком, где-то сладкой выпечкой.

Жизнь.

Не самая изысканная.

Зато настоящая.

На привычном месте стояли машины. Возле них собрались знакомые бомбилы.

Один грел руки о металлическую кружку, наливая чай из старого термоса. Другой сидел боком на капоте. Юра, как всегда, что-то с жаром доказывал сразу двум собеседникам.

— Я тебе говорю, туда сейчас ехать вообще без смысла. Обратный пустой пойдёшь.

— А я тебе говорю, вчера оттуда дальняк поймал.

— Вчера — это вчера.

— А сегодня будет сегодня.

— Философ нашёлся.

Кто-то первым заметил Passat.

— О, гляньте-ка. Не может быть.

Юра обернулся.

— Смотрите, наш машинный доктор приехал.

Андрей чуть прикрыл глаза.

— Началось.

Пожал руки одному, второму, третьему. Кого-то коротко хлопнул по плечу.

Здесь его знали давно. Появлялся он редко, но практически каждому хоть раз помогал с машиной.

Один звонил ночью, когда двигатель начал троить за городом. Другому Андрей на слух определил неисправность после двух бесполезных сервисов. Юру несколько месяцев назад просто вытащил из истории, где тот уже собирался платить за ненужный ремонт.

Сбоку хмыкнули:

— Он не лечит. Он сначала молчит, смотрит, а потом сообщает, сколько жить осталось.

Андрей посмотрел на Юрину машину.

— Тебе сообщать?

— Даже не начинай.

Мужики заржали.

Так ему нравилось больше всего.

Без церемоний и длинных разговоров о дружбе. Каждый знает: если понадобится — позвонит, другой приедет.

Потом разговор вернулся в привычное русло. Кто куда ездил. Где перекрыли дорогу. Кто поймал хороший дальняк.

Один жаловался, что жена уже третий день требует приехать домой пораньше. Другой собирал деньги на ремонт и поэтому хватал почти всё подряд.

— Ну что, ты сегодня куда? — спросил Юра.

Андрей пожал плечами.

— Не знаю. Посмотрим.

— Опять твой любимый ответ.

— Работает же.

— Ты бы хоть молодую какую взял, — поддел кто-то. — Дальняк, вечер, романтика. Всё польза.

Андрей рассмеялся.

— Вам своих жён мало?

— Мы за тебя переживаем.

— Вот это пугает больше всего.

Компания снова загудела.

Молодую им, значит.

Романтику.

Сводники, блядь.

Андрей покачал головой.

Он постоял ещё немного, выслушал очередную байку и вернулся к Passat.

Погода держалась удивительно тёплая. Настоящее бабье лето. Днём солнце ещё грело почти по-летнему, а сейчас в воздухе уже проступала вечерняя прохлада.

Андрей открыл дверь, сел за руль и некоторое время оставил её приоткрытой.

Снаружи гудел вокзал. Кто-то выкрикнул цену поездки, хлопнул багажник, рядом протащили чемодан на дребезжащих колёсиках.

Слишком шумно.
Он прикрыл дверь.
Мир сразу стал тише.

Салон Passat всегда действовал на него почти как отдельная комната. Здесь всё было знакомо до мелочей.

Руль, который много лет держал отец. Посадка. Запах старого, но ухоженного салона. Даже небольшая царапина на пластике, появившаяся ещё в те времена, когда мать пыталась запихнуть в машину очередную дачную покупку.

Андрей провёл ладонью по рулю и включил музыку.
Как назло — или наоборот, как надо — почти сразу заиграла одна из любимых мелодий.
Сделал чуть громче.
Откинулся на сиденье.
За стеклом продолжал двигаться вокзал.

Люди проходили совсем рядом. Кто-то останавливался, заглядывал в сторону машин, кто-то шёл дальше. Прибыл ещё один поезд, и площадь перед вокзалом снова на несколько минут вскипела.

Андрей почти этого не замечал.
Музыка унесла куда-то в сторону от происходящего.
Редкое состояние, когда мысли перестают цепляться одна за другую.
Ни работы.
Ни планов.
Ни обязательств.

Просто тёплый осенний вечер, знакомая машина и впереди неизвестная дорога, если под-
вернется хороший пассажир.

Он действительно жил хорошую жизнь.
Свою.
Такую, какую сам себе выбрал.
Работа есть. Деньги есть. Машина ездит. Никто над душой не стоит.
В общем, небесная канцелярия пока работала без нареканий.
Андрей усмехнулся и прикрыл глаза.
Где-то совсем близко прошли люди. Звук очередного объявления растворился в музыке.
Кто-то остановился возле машины.
Первого лёгкого стука он не услышал.
И вдруг по боковому стеклу пришёлся сильный удар.
Андрей открыл глаза и медленно повернул голову.

Глава 2. Доктор

За боковым стеклом стояла женщина.
Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Она выглядела так, будто сама не вполне понимала, как умудрилась устроить этот гро-
хот. Одной рукой прижимала другую; костяшки уже наливались красным. Круглые очки чуть
съехали на нос.

Андрей перевёл взгляд с её руки на стекло и обратно.
Музыка играла громко. Он убавил звук и опустил окно.
В салон сразу ворвался вокзал — голоса, объявления, хлопанье дверей, гул машин.
— А я уж подумал, мой Passat наконец начал пользоваться успехом у женщин.
Она моргнула и поправила очки.
— Я вообще-то стучала.
— Я заметил.
— До этого. Нормально.

Андрей снова посмотрел на её руку.

— А это, значит, уже ненормально?

Она быстро оглянулась на поток людей за спиной.

— Меня толкнули.

— Машина?

— Человек. С чемоданом.

Сказала так серьёзно, что уголок его рта дёрнулся.

— Пальцами пошевелите.

— Ничего страшного.

— Вот и проверим.

Она послушалась. Поморщилась, но пальцы двигались.

— Жить будете.

— Очень обнадёживает.

Вот.

Уже лучше.

Теперь Андрей рассмотрел её внимательнее.

Прямое тёмное пальто, длинная юбка, круглые очки. Волосы собраны и почти полностью спрятаны за воротником; ясно только, что короткой стрижкой там и не пахнет. На плече небольшая сумочка, у ног — мягкая дорожная сумка.

— Вы Доктор?

Андрей на секунду замер и медленно повернул голову к компании бомбил.

Ага.

Засранцы.

Катя успела обойти почти всю стоянку. После двух дней конференции и поезда оставаться в чужом городе до утра ей хотелось меньше всего. До дома — триста с лишним километров. Прямого транспорта на вечер уже не было: либо ждать и добираться с пересадками, либо искать машину.

Первый бомбила отказался — обратно идти пустым. Второй посмотрел на часы и тоже не взялся. Третий прикинул расстояние и покачал головой.

Катя не торговалась и никого не уговаривала. Просто спросила, кто ещё поедет.

Юра показал на тёмный Passat.

— Доктор у нас сегодня на дальняк идёт.

Катя подошла к машине и постучала в стекло.

Мужчина за рулём не шевельнулся.

Она шагнула ближе, собираясь постучать ещё раз. В этот момент мимо стал протискиваться пассажир с чемоданом на колёсах. Он задел её плечом, нога соскользнула с края бордюра, и Катя рефлекторно выставила руку.

Костяшки с силой встретились со стеклом.

Боль пришла сразу.

А следом мужчина за стеклом открыл глаза.

— Куда? — спросил Андрей.

Катя назвала город.

Он посмотрел на часы.

Триста с лишним километров.

Вот тебе и дальняк.

— Ночь прихватим.

— Я знаю. Домой хочу.

Андрей назвал цену.

Катя посчитала и кивнула.

— Хорошо.

Ни торга, ни вздохов.

Андрей открыл дверь и вышел.

Катя невольно подняла голову.

Крепкий, широкоплечий, в хорошей тёмной куртке. Сильные руки. Русые волосы чуть вились и падали на лоб; он привычным, отточенным за годы движением отбросил их назад.

Потом улыбнулся, и выяснилось, что рот у него тоже совершенно зря такой.

Катя поймала себя на том, что рассматривает незнакомого мужчину посреди вокзальной площади.

Прекрасно.

Она наклонилась за дорожной сумкой.

— Я сама.

Сумку он всё равно забрал. Не вырвал, не стал спорить — просто взял, будто вопрос уже решён, и поставил в багажник.

Катя села.

В салоне было тепло. Пахло старой ухоженной машиной и табаком от его куртки. После вокзального шума закрытая дверь почти отрезала внешний мир.

Андрей устроился за рулём.

— Адрес?

Катя поправляла ремень и не сразу ответила.

Он покосился на неё.

И совершенно без всяких оснований сказал:

— Тогда, может, ко мне?

Тишина.

Блядь. Что ты несёшь? Это вообще что сейчас было?

Андрей на секунду зажмурил глаза и тут же открыл.

Понесло.

Катя так и застыла, глядя на него. Он успел увидеть, как за долю секунды расширились её глаза под круглыми очками, а сами очки съехали почти к кончику носа.

Андрей медленно провёл языком по внутренней стороне щеки.

— Шучу. Адрес.

Катя поправила очки и назвала.

— Едем.

Passat тронулся.

В зеркале Андрей увидел Юру с совершенно довольной рожей и, не оборачиваясь, поднял от руля средний палец.

Юра заржал.

Катя этого не заметила. Смотрела вперёд, придерживая сумочку на коленях.

Через несколько секунд вокзал поплыл назад за окном.

Андрей прибавил музыку.

Дорога.

Глава 3. Объезд

Большой город отпускал их медленно.

Сначала за окнами тянулись освещённые улицы, витрины, остановки. Потом дома стали ниже, между ними появились тёмные промежутки, гаражи, склады, редкие заправки. Светофоры попадались всё реже, и наконец город остался позади.

Впереди была трасса.

Триста пятьдесят километров.

Андрей устроился поудобнее, положил левую руку на руль и немного прибавил музыку — ровно настолько, чтобы она шла поверх ровного гула двигателя.

Заиграл «Наутилус».

Катя некоторое время смотрела в окно, потом полезла в сумочку.

Круглые очки. Блокнот. Карандаш.

Не ручка.

Карандаш.

Надела очки и почти сразу нырнула в записи.

Андрей скользнул по ней взглядом.

Небольшая, тихая, нос почти в бумагах.

Мышь.

Именно эта мышь совсем недавно чуть не оставила костяшки на его Passat.

Несколько километров проехали молча.

— Работать обязательно прямо сейчас?

Катя подняла голову от блокнота. Карандаш так и остался в пальцах. Посмотрела за окно.

— Альтернативы на ближайшие триста пятьдесят километров у меня нет.

Андрей усмехнулся.

— Что за конференция?

— По музейному делу.

— В музее работаете?

— Да.

Ну конечно.

Очки. Карандаш. Блокнот.

Мышь обрела официальное место жительства.

— Почему Доктор? — спросила она через некоторое время.

— Железо лечу.

Катя повернула голову.

— Механик.

— Механик. Машины, оборудование, электроника. Что сломали — то и чиню.

Она кивнула так, будто получила недостающую строку в документе.

Ну вот.

Оформила. Подшила.

Ещё немного ехали молча.

— Андрей, кстати.

Катя посмотрела на него.

— Екатерина.

— Катя?

Пауза.

— Можно.

Вот и познакомились.

Примерно половина дороги осталась позади.

Ночь стала плотнее. Населённые пункты попадались всё реже.

Впереди начинался плохой участок.

— Дальше можно по основной, — сказал Андрей. — Или уйти в объезд. Там дольше, зато дорога нормальная.

Катя оторвалась от блокнота.

— Насколько дольше?

— Минут на двадцать.

— В объезд.

Всё.

Решение принято.

Через несколько минут Passat свернул.

Объездная оказалась уже, темнее и почти совершенно пустой. Она шла почти параллельно основной, время от времени соединяясь с ней короткими съездами.

Деревья подступили ближе, свет фар выхватывал из темноты обочину, дорожные столбики, редкие повороты.

Катя закрыла блокнот.

Последние огни остались далеко позади.

Музыка закончилась. В салоне стало непривычно тихо.

Катя положила ладонь поверх сумочки на коленях.

Вдалеке что-то блеснуло.

Андрей снял ногу с газа.

Через несколько секунд впереди проступил тёмный силуэт машины. Она стояла под углом, частично на полосе, без света.

За ней показалась вторая.

У той была открыта дверь.

Андрей сбросил скорость. Passat медленно подкатился и остановился.

Разбитое стекло. Распахнутые двери. Следы на металле.

Не авария.

Он заглушил двигатель.

— Сиди здесь.

Катя повернулась, но Андрей уже открыл дверь.

Ночной воздух ударил холодом.

Он достал фонарь и пошёл к первой машине.

Водитель сидел, завалившись набок.

Андрей наклонился, положил пальцы ему на шею.

Ничего.

Проверил ещё раз.

Нет.

Сзади хрустнул гравий.

Андрей резко обернулся.

Она стояла в нескольких шагах от него.

Белая.

Сердце коротко ухнуло. Он был уверен, что она в машине.

— Какого хрена? — выдохнул он.

Испуг почти сразу пошёл в злость.

— Я одна там не останусь. Я с ума сойду. Я лучше здесь, с тобой.

Андрей несколько секунд смотрел на неё.

Твою ж мать.

Он сунул ей фонарь.

— Тогда светишь. И от меня ни шага.

Катя взяла фонарь. Второй рукой почти сразу вцепилась ему в рукав.

У первой машины остановилась так резко, что дёрнула его назад.

Луч фонаря метнулся по салону.

— На меня смотри.

Катя подняла глаза.

— Свет сюда.

Луч дрогнул и лёг куда нужно.
Андрей проверил водителя. Потом пассажира.
Нет.
Катя зажала рот ладонью и отшатнулась.
— Не смотри.
Поздно.
Она почти бегом отошла к обочине.
Её вырвало.
Андрей остался у машины.
Впереди стояла ещё одна.
Через минуту Катя вернулась сама. Бледнее прежнего, с мокрыми глазами. Фонарь всё ещё был у неё в руке.
— Можешь?
Она сглотнула и кивнула.
— Да.
Упрямая.
Они пошли ко второй машине.
На заднем сиденье лежал мужчина. Хороший тёмный костюм, расстёгнутый пиджак, сбитый галстук.
Крови было много.
Андрей наклонился и проверил пульс.
Есть.
Слабый.
Но есть.
— Живой.
Катя выдохнула так, будто всё это время сама не дышала.
Андрей быстро осмотрел рану. Достал из внутреннего кармана сложенный носовой платок, свернул плотнее и прижал к ней.
— Подойди ближе.
Катя сделала шаг и только теперь замерла.
Андрей взял её за запястье и поставил ладонь поверх ткани.
— Дави. Сильно. Не отпускай. Держи. Ты меня слышишь, Катерина?
Она нажала.
Лицо сразу исказилось. Катя отвернулась, её снова вырвало — уже почти нечем.
Но руку она не убрала.
Андрей посмотрел на её большие побелевшие пальцы, прижимающие ткань к ране.
Вот ведь мышь.
Он потянулся за телефоном.
Мужчина открыл глаза.
— Помоги...
— Да. Конечно. Спокойно. Лежи спокойно, силы не трать.
Андрей достал телефон.
— Сейчас скорую вызову.
Раненый сильнее сжал его запястье.
— Не... надо.
Андрей замер.
— Скорую?
— Нет...
— Милицию?

— Нет.

Голос почти не разбирался, но смысл был предельно ясен.

Андрей медленно опустил телефон.

— Кому можно?

Взгляд раненого ушёл к внутреннему карману.

Андрей достал оттуда кнопочный мобильник и открыл последние вызовы.

Одно имя повторялось чаще остальных.

Климов.

Андрей показал экран.

Раненый едва заметно моргнул.

Он нажал вызов.

— Климов?

— Кто это?

— Я звоню с его телефона. Старая объездная, километров пятнадцать после поворота.

Две машины.

Пауза.

— Какая, блядь, объездная? Мы по основной идём.

В трубке что-то загрохотало.

— Разворачиваемся!

Андрей коротко посмотрел в темноту трассы.

Ещё немного — и разминулись бы совсем в другом месте.

— Состояние?

— Пока жив.

— Кто ты?

— Тот, кто остановился.

— Один?

Андрей посмотрел на Катю.

— Нет.

— Больше никому не звони. Оставайся там.

— Пока его не заберёте — останусь.

Связь оборвалась.

Раненый снова шевельнулся.

— Ключ...

Андрей наклонился.

Пальцы мужчины слабо потянулись к груди.

Под рубашкой блеснула цепочка.

Андрей расстегнул её и вытянул наружу.

На ладонь лёг тяжёлый металлический предмет — крупнее обычной подвески. Разглядывать его было некогда. В свете фонаря только холодно блеснули металл и золото.

Всё было в крови.

Тёплая влага сразу осталась на пальцах Андрея.

— Этот?

Раненый едва заметно кивнул.

— Спрячь...

Вдалеке появился свет.

Одна пара фар.

Вторая.

Третья.

Машины шли быстро.

— Сука.

Андрей поднялся и шагнул к Кате.

Раскрыл ладонь.

— Спрячь.

Она посмотрела на окровавленную цепочку и тяжёлый предмет, потом на него.

На секунду задержалась.

Взяла.

Кровь размазалась по её пальцам.

Андрей уже смотрел на приближающиеся машины.

Куда именно она его спрятала, он не видел.

За спиной только коротко зашелестела одежда.

— Всё.

Андрей забрал у неё фонарь.

— В Passat. На заднее сиденье. Ниже окон.

Катя не двинулась.

— А ты?

— Я здесь.

Он уже смотрел на фары.

Катя побежала к машине.

Андрей остался на дороге.

Первая машина вышла из-за поворота.

За ней вторая.

Третья.

Фары ударили в лицо.

Андрей чуть сузил глаза.

И остался стоять на месте.

Глава 4. Под присмотром

Фары приближались.

Андрей стоял возле второй машины, держа фонарь опущенным вдоль ноги.

Три автомобиля шли плотно и быстро. Не случайные люди, заметившие что-то на дороге.

Эти ехали сюда.

Он посмотрел на Passat.

За тёмным стеклом Катю видно не было.

Хорошо.

Несколько часов назад она сидела рядом с блокнотом и карандашом. Теперь пряталась на заднем сиденье его машины с чужой окровавленной штучковиной под одеждой.

Нормально прокатился.

Андрей снова присел возле раненого и проверил пульс.

Есть.

— Давай, мужик. Не вздумай сейчас сдохнуть.

Катя лежала на заднем сиденье и смотрела на свои руки.

Кровь забила под ногти, засохла на пальцах и ладонях. На рукавах остались тёмные пятна.

К горлу снова подступило.

Нет.

Хватит.

Она нащупала сумочку и со второго раза открыла застёжку.

Кошелёк. Блокнот. Очки. Карандаш. Телефон. Расчёска. Салфетки.

Обычные вещи.

Катя вытерла руки, скомкала салфетки и убрала их в маленький пакет.

Потом осторожно коснулась груди.

Под одеждой холодил кожу тяжёлый металл. Ткань вокруг уже намокла от чужой крови.

На месте.

Снаружи стало светлее.

Фары.

Тормоза.

Хлопнули двери, почти сразу послышались мужские голоса.

Катя замерла.

Первая машина остановилась метрах в десяти. Остальные разошлись по дороге, перекрывая подъезды с обеих сторон.

Люди вышли быстро, без суеты. Через несколько секунд каждый уже занимался своим делом.

Двое остались у машин. Несколько человек пошли к расстрелянным автомобилям.

Один направился прямо к раненому.

Значит, свой.

Высокий, лет сорока, в тёмной куртке.

Андрей узнал голос раньше, чем мужчина опустился рядом.

Климов.

— Пётр Иванович.

Никакой реакции.

— Пётр Иванович, слышите?

Вокруг уже работали остальные. Кто-то говорил по рации, появились медицинские сумки. Двое ушли к первой машине.

Ещё двое остановились неподалёку от Андрея.

Он заметил их, но ничего не сказал.

С земли донёсся хрип.

Климов мгновенно наклонился.

— Пётр Иванович.

Глаза раненого открылись.

Медленно прошлись по людям, нашли Андрея, потом ушли в сторону Passat.

Помнил.

Потом Пётр Иванович заметил мужчин рядом с Андреем.

— Этих...

Климов наклонился ниже.

— Что?

— Двоих... не трогать.

Он тяжело втянул воздух.

— Присмотрите.

Глаза закрылись.

Климов поднял голову и посмотрел на Андрея.

Андрей ответил тем же.

Ну хоть не пристрелят. Уже неплохо.

Один из мужчин подошёл к Климову.

— Борт на подходе.

Климов кивнул.

Вертолёт слышали раньше, чем увидели.

Низкий гул быстро нарастал. Несколько машин развернули поперёк дороги, фарами высветив свободный участок. Воздух ударил в лицо пылью и сухой травой.

Возле Петра Ивановича появились медики.

Короткие команды. Носилки. Быстрые движения рук.

Дверь вертолёта захлопнулась.

Машина поднялась, на несколько секунд ослепив дорогу белым светом, и ушла в темноту.

Андрей проводил её взглядом.

Живи, мужик.

Климов подошёл, когда шум начал стихать.

— К машине.

И пошёл первым.

Андрей посмотрел ему вслед.

Мойдодыр. Умывальников начальник.

Пошёл следом.

У Passat уже стояли двое.

Один открыл заднюю дверь.

Катя поднялась не сразу. Выбралась наружу, слишком быстро распрямилась и качнулась.

Андрей успел подхватить её под локоть.

Она тут же вцепилась пальцами в его рукав.

Холодная.

Лицо белое, губы почти без цвета.

Климов коротко посмотрел на неё.

— Она?

— Она.

Проверили документы.

Осмотрели Passat, багажник, дорожную сумку и Катину сумочку. Телефоны забрали.

Андрей отдал свой без вопросов.

Катя сразу протянула свой следом.

Потом подошёл один из мужчин.

Катя ничего не спросила. Только выпрямилась и делала то, что ей говорили.

Проверяющий прошёлся по карманам пальто, по бокам.

Когда его ладони поднялись выше, Андрей перехватил его за запястье.

— Полегче.

Мужчина повернул голову.

Климов тоже посмотрел.

Несколько секунд никто не говорил.

Андрей отпустил чужую руку не сразу.

— Достаточно, — сказал Климов.

Проверяющий отступил.

Ключ остался при ней.

Потом их сфотографировали.

Вспышка резко ударила в темноте.

Катя дёрнулась и шагнула ближе к Андрею.

Так возле него и осталась.

Климов убрал фотоаппарат.

— Пока будете под нашим присмотром. Едете с нами.

Андрей посмотрел на машины, перекрывшие дорогу.

— Закрытый курорт. All inclusive?

У Климова едва дёрнулся уголок рта.

— Всё включено.

— Прекрасно.

Один из охранников сказал:

— Девушку отдельно.

— Нет, — сказал Андрей.

Климов поднял на него взгляд.

Андрей уже шагнул к Кате и почти машинально поставил её чуть за своё плечо.

Только после этого сам заметил, что сделал.

А это ещё что?

Катя не возразила.

Осталась там.

— Она со мной, — сказал Андрей.

Климов посмотрел сначала на него, потом на Катю.

— Ладно. Вместе.

И всё.

Ни объяснений, ни споров.

— Куда? — спросил Климов.

— Ко мне.

— Адрес.

Андрей назвал.

Климов кивнул одному из своих.

— Проверить.

Через несколько минут тот вернулся.

— Адрес подтверждается.

— Поедем туда.

— Вместе.

— Вместе.

Андрей оглянулся на машины впереди и сзади.

— Президентский кортеж.

Климов уже отвернулся.

— Не обольщайся.

Когда колонна была готова, Андрей открыл Кате переднюю дверь.

Она села.

Он уже собирался закрыть её, когда Катя тихо сказала:

— Я спрятала.

Андрей посмотрел на неё.

— Понял.

Не спросил где.

Обошёл машину и сел за руль.

Впереди тронулась первая машина.

Сзади ожили фары.

Андрей включил передачу.

Passat пошёл следом.

Глава 5

Колонна вытянулась на трассу.

Passat шёл между машинами Климова. Впереди красные огни то приближались, то чуть уходили вперёд; в зеркале всё время держались чужие фары.

Катя сидела рядом, положив руки на колени.

Пальцы дрожали.

Андрей заметил это не сразу.

На прямом участке открыл бардачок и достал плоскую фляжку.

— Держи.

Катя посмотрела на неё.

— Это алкоголь?

— Коньяк.

— Я вообще не пью.

— Сегодня начнёшь.

Она повернула голову к нему.

Андрей смотрел на дорогу и фляжку не убирал.

Катя несколько секунд молчала, потом всё-таки взяла. Отвинтила крышку, осторожно понюхала.

— О боже, небеса.

— Не духи, — съязвил Андрей.

Катя зажмурилась и сделала маленький глоток.

Закашлялась сразу.

Андрей хмыкнул.

— Великолепно.

Она протянула фляжку обратно.

Андрей снова посмотрел на её руки.

Дрожь не прошла.

— Ещё.

— Я сказала, я вообще не пью.

— Услышал. Ещё глоток.

Катя посмотрела на него так, будто решала, имеет ли смысл спорить. Потом отпила ещё немного и поморщилась.

Андрей фляжку не забрал.

Пусть держит.

Несколько километров они ехали молча. Ночная дорога выглядела почти обычной — поля, редкие огни, тёмные деревни. Только машины впереди и сзади не давали забыть, что обычный вечер закончился давно.

Катя покрутила фляжку в руках.

— Что теперь будет?

— Не знаю.

— Совсем?

— Совсем.

Катя отвернулась к окну.

Немного помолчала.

— Я сегодня просто домой ехала.

Андрей не мешал.

— Два дня конференция. С утра доклады. Потом этот круглый стол, который уже никому не был нужен, но все сидели, потому что неудобно первым уходить. Потом поезд.

Она провела пальцем по крышке фляжки.

— Я ещё думала, какая молодец. Всё рассчитала. Сейчас приеду, найду машину, заплачу дорожке — зато ночью уже дома.

Коротко усмехнулась.

— Очень хорошо рассчитала.

Катю начинало нести после шока. Слова пошли сами.

— Потом эти водители. Потом ты сидел с закрытыми глазами. Потом я врезалась в машину. Я вообще никогда по чужим машинам не била.

— Заметно.

Катя повернулась к нему.

— Что заметно?

— Опыт приходит с годами.

Она коротко фыркнула и снова посмотрела в окно.

— Потом объезд...

Фляжка остановилась в её руках.

— И эти люди. Они же до этого были живые. Просто ехали куда-то. Была жизнь.

Катя замолчала.

— А теперь?

Андрей покосился на неё.

Ни фиги себе мышь размотало.

Катя отвернулась к окну.

Пальцы крепче сжали фляжку.

Она вдохнула, будто собиралась сказать что-то ещё, но вместо слов вырвался короткий всхлип.

Катя замерла и сердито провела ладонью по щеке.

Второй уже не удержала.

Плечи дрогнули.

Через несколько секунд она закрыла лицо руками.

Андрей молча открыл бардачок, достал пачку салфеток и положил ей на колени.

— Спасибо.

Андрей глубоко вдохнул, стиснул зубы и крепче сжал руль.

Сука. Что происходит?

Печку прибавил молча.

Дальше смотрел только на дорогу.

Глава 6. Всё включено

Катя закрыла глаза, и больше они не разговаривали.

Впереди постепенно зажглись огни города.

Через полчаса колонна свернула во двор.

— Приехали?

— Угу.

— К тебе?

Андрей повернул ключ зажигания. Двигатель стих.

— Ко мне.

Катя посмотрела на него.

Он вспомнил вокзал.

— Надо было сразу соглашаться.

Андрей вышел первым.

Катя выбралась следом. Один из людей Климова уже забрал из багажника её дорожную сумку.

Андрей посмотрел.

Пусть несёт.

Раз уж всё включено.

У подъезда Климов протянул руку.
— Ключи.
Андрей посмотрел сначала на ладонь, потом на него.
— Ты серьёзно?
— Вполне.
Связка легла Климову в руку.
Двое сразу ушли в подъезд.
Андрей проводил их взглядом.
Вот теперь собственная квартира окончательно перестала быть собственной.
На площадке пришлось ждать.
Катя привалилась плечом к стене. Глаза у неё уже закрывались.
— Не падай пока.
— Постараюсь.
Через несколько минут Климов появился в дверях и отступил в сторону.
— Заходите.
Андрей пропустил Катю первой.
В прихожей ещё мелькали люди Климова. Один прошёл мимо к двери, второй вышел из комнаты и коротко кивнул Климову.
Катя расстегнула пальто.
Не сразу попала пальцами в пуговицу.
— Давай, — сказал Андрей.
Она молча отдала ему пальто и повернулась.
И вот тогда он увидел косу.
Толстая, тяжёлая, почти до пояса.
Андрей задержал взгляд.
Вот, значит, как.
Катя уже смотрела в коридор, пытаясь понять, куда идти.
— Пошли.
Он взял её сумку и открыл дверь спальни.
Поставил сумку возле кровати.
Катя посмотрела сначала на постель, потом на него.
— Мне здесь спать?
— Ну да.
— А ты?
— Присоединюсь позже.
Катя не сразу поняла смысл сказанного.
Потом резко вскинула голову, поправила очки и прищурилась.
Андрей выдержал её взгляд.
— Шучу. Расслабься.
Он вышел и прикрыл за собой дверь.
На кухне Климов спокойно облокотился на подоконник. Руки держал в карманах и пристально смотрел на вошедшего Андрея.
Андрей выдвинул стул и сел.
— Ну. Давай поговорим.
Достал сигареты, закурил.
Климов не двинулся.
— Андрей, давай не усугублять.
Андрей выпустил дым.
— Я весь внимание.

— Я делаю свою работу. И делаю её хорошо. Мне ещё с тобой сегодня воевать не хватало. День и без того собачий. Все устали, все на взводе. Поэтому скажу как есть.

Андрей молчал.

— Двое внизу. Подъезд под присмотром. Ключи пока у меня. Есть ещё комплект?

— Нет.

— Запасных?

— Нет.

Климов кивнул.

— Тогда всё просто. Сегодня вы никуда не выходите.

Андрей стряхнул пепел.

— А если очень захочется?

— Подумай два раза.

Пауза.

— Мы пока не знаем, кто стрелял. Не знаем, кто ещё вас видел и кому вы двое теперь нужны. Свои найдут — разберёмся. Чужие найдут раньше нас — будет хуже.

Андрей посмотрел на него поверх сигареты.

— Доходчиво.

— Вот и хорошо. Нам сказано присмотреть за вами. Мы присмотрим. Хочешь ты этого или нет.

Климов вынул руку из кармана, провёл ладонью по лицу.

— Я не хочу ни двери вам запирать, ни людей в комнате ставить. Человеческий фактор никто не отменял. Но если начнёшь чудить — придётся.

Андрей усмехнулся краем рта.

— Уже боюсь.

Климов посмотрел на него.

— Думай. Сейчас ты не один. За себя решай как хочешь, но если дёрнешься — её потащишь следом. Просто имей это в виду.

Андрей затанулся и несколько секунд молчал.

— Имею.

— Вот и договорились.

Климов протянул руку.

Андрей пожал её.

— По рукам.

Климов вышел в прихожую.

Через несколько секунд щёлкнул замок.

Потом ещё один.

Дверь закрылась.

В квартире стало тихо.

Глава 7

Несколько минут Андрей сидел на кухне, докуривая сигарету.

Из комнаты не доносилось ни звука.

Потом в коридоре тихо открылась дверь.

Катя прошла в ванную.

Быстро. Почти сразу вернулась.

На ней всё ещё была вчерашняя одежда — мятая, с тёмными пятнами крови. В руке она держала цепочку.

Подошла к столу и положила перед Андреем тяжёлый металлический медальон.

Он коротко звякнул о столешницу.

Катя посмотрела на него.

Потом на свои руки.
Потёрла ладонь о ладонь.
— Всё. Я...

Не договорила.
Андрей перевёл взгляд с медальона на неё.
— Иди мойся.

Катя кивнула.
На этот раз дверь закрылась надолго.
Зашумела вода.

Андрей взял медальон со стола.

При нормальном свете тот выглядел ещё страннее. Тяжёлый, холодный. По краю шли насечки, на боку осталась вмятина. В углублениях темнела засохшая кровь.

Он большим пальцем сдвинул обод.
Тот поддался не сразу.

Щёлк.
Андрей повернул ещё немного.
Снова щёлк.

Он нахмурился.
Не украшение.

Это было понятно.
Но и на обычный ключ штука походила меньше всего.
Андрей повертел её в пальцах.

— И что же ты открываешь?
Перед глазами снова встал тот кусок ночи.
Разбитая машина.
Пётр Иванович, серый от боли.
Его пальцы на металле.

Сними.

Спрячь.

Андрей медленно провёл большим пальцем по вмятине.
Значит, важная штука.

Только вот почему — пока ни хрена не понятно.
Андрей положил медальон на стол и поставил турку на плиту.
В готовый кофе плеснул немного коньяка, открыл форточку и закурил.
Из ванной доносился шум воды.

Долго. Слишком долго для человека, который ещё недавно едва держался на ногах.
Андрей прислушался.
Потом усмехнулся сам себе.

Ну вот. Уже контролируешь.

Он сделал ещё глоток. Кофе с коньяком обжёг горло, и тепло медленно разошлось по телу.

И только сейчас Андрей понял: отпускает.
Андрей поставил чашку на стол и прислушался.

Тишина.
Постельное.

Он вспомнил, что в спальне лежит только покрывало, поднялся и пошёл по коридору посмотреть, что осталось в шкафу.

Дверь ванной распахнулась как раз в тот момент, когда он проходил мимо.
Катя шагнула наружу и врезалась прямо в него.

Андрей успел поймать её.

В одной руке у неё была скомканная одежда, другой она придерживала полотенце на мокрых волосах. Тонкая сорочка липла к ещё тёплой после душа коже.

На секунду она оказалась совсем близко — между его руками, прижатая к нему всем телом.

Катя резко вдохнула.

Глаза за стёклами очков стали огромными.

Андрей тоже замер.

Тёплая.

Вот это он почувствовал раньше всего.

Потом уже — грудь под тонкой тканью, мокрые плечи, голые ноги.

Катя издала какой-то тихий, почти испуганный всхлип.

Андрей сразу убрал руки.

Она выскользнула мимо него и пулей ушла в спальню.

Через секунду уже сидела на краю кровати, прижимая к себе одежду и полотенце так, будто ими можно было закрыться целиком.

Андрей остановился в дверях.

Посмотрел на неё.

Потом на кровать.

— Постельное в шкафу.

Катя кивнула, не поднимая глаз.

Он открыл створку, нашёл комплект белья, вытащил и бросил на кровать рядом с ней.

Взгляд сам зацепился за босые ноги.

Андрей закрыл шкаф.

Через минуту Андрей вернулся с мягкими пушистыми тапочками.

Поставил возле кровати.

Катя посмотрела сначала на них, потом на него.

Вопрос был написан у неё на всём лице.

— Были мамины.

Катя ещё несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь.

Потом на тапочки.

О небеса. Позорище.

В следующую командировку — халат. Тапочки. И вообще всё своё.

Лишние полкило ещё никого не убили.

Зато избавят от подобных импровизаций.

Катя закрыла лицо ладонями.

Прекрасно.

Сознание уже начало послушно раскладывать ночь по порядку — и застряло.

Дверь ванной.

Его руки.

Тёплое тело совсем близко.

На этом порядок закончился.

Андрей вернулся на кухню.

Медальон всё ещё лежал возле чашки.

Он сел, взял его в руку и покрутил обод.

Щёлк.

Ещё раз.

Щёлк.

Не помогло.

Перед глазами вместо металла совершенно некстати возникло другое.

Мокрые плечи.

Тонкая сорочка.

Тёплое тело между его руками.

Андрей медленно выдохнул и положил медальон обратно.

Потом усмехнулся сам себе.

Так. Всё. Стоп, Андрей.

Андрей потянулся за сигаретами.

Закурил ещё одну, хотя первая закончилась совсем недавно.

За окном темнел двор. Внизу где-то хлопнула дверца машины, потом снова стало тихо.

Он затаился.

Не помогло.

В памяти слишком отчётливо остался момент, когда Катя налетела на него.

Не то, как выглядела.

Хуже.

Как ощущалась.

Тёплая после душа. Мягкая. Совсем близко.

Андрей стиснул сигарету пальцами и выдохнул дым в форточку.

Стоп, Андрей.

Хорошо.

Допустим.

Он допил остывающий кофе, поморщился и убрал чашку в мойку.

Проверил замок на входной двери — скорее по привычке, чем по необходимости.

Два раза щёлкать смысла не было.

Климов и без него постарался.

Андрей прошёл по коридору.

Возле спальни шаг невольно стал тише.

За дверью — ни звука.

Он задержался на секунду.

Даже не думай.

И пошёл дальше.

В комнате темнел знакомый кожаный диван.

Андрей сел, стянул носки и несколько секунд просидел, упершись локтями в колени.

Усталость наконец навалилась всей тяжестью. Тянуло плечи, ныл затылок, глаза резало от дыма и бессонной ночи.

Он подтянул подушку и завалился на диван прямо в одежде.

Кожа тихо скрипнула.

Андрей закинул руку за голову и закрыл глаза.

Тишина.

Та самая квартирная тишина, к которой он привык за годы.

Только теперь она была другой.

За стеной спала женщина.

Андрей открыл глаза.

Снова закрыл.

Перед глазами тут же возникли мокрые волосы, огромные глаза за стёклами очков и то короткое мгновение, когда она оказалась у него между руками.

Тёплая.

Да чтоб тебя.

Андрей перевернулся на бок.

И совершенно некстати вспомнил Климова.

All inclusive.

Всё включено.

Он тихо хмыкнул в подушку.

— Ну да. Похоже на то.

Глава 8. Зачёт

Катя проснулась не сразу.

Сначала просто открыла глаза и несколько секунд смотрела в незнакомый потолок, не понимая, где находится.

Потом память вернулась.

Квартира Андрея.

Ночь.

Ванная.

Она резко зажмурилась.

Нет. Вот это пока не надо.

Катя села на кровати и опустила ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.